

НЕТ ПРОРОКОВ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ?

«Независимая газета» опубликовала недавно обнаруженное (правда, есть некоторые сомнения в его подлинности) «Политическое завещание Г. В. Плеханова», продиктованное им перед смертью в 1918 году. Знакомая с ним, я наткнулся там на такие строки: «В последнее время я иногда даже думаю, что теория Маркса, рожденная в условиях европейской цивилизации, вряд ли станет универсальной системой взглядов, так как социально-экономическое развитие мира может пойти по полицентрическому типу. В контексте сказанного выше не исключено, что некоторые из идей Г. Туган-Барановского окажутся не такими ошибочными, как я полагал. Но успокою нынешних марксистов — случится это не скоро. Имя Маркса, сделавшего классовую борьбу осознанной, еще долго будет начертано на знаменах революционеров».

И тогда я вспомнил...

НАЧИНАЛ работать в редакции «Молодого ленинца» в начале 60-х годов. Она помещалась тогда там, где и «Волгоградка», — на четвертом этаже старого здания газетного издательства. Там же находилась и небольшая комнатка Союза писателей. И вот однажды, когда я стоял в коридоре со своим редактором, мимо нас прошел в эту комнату высокий, плотный человек средних лет. Редактор почтительно поздоровался с ним, а потом пояснил:

— Это Туган-Барановский, сын того самого...

Поскольку на моем лице отразилось, видимо, мое доморощенное, то бишь заочное, высшее образование, добавил:

— Его отец известен тем, что с ним полемизировал Ленин.

— А у него есть дети? — почему-то спросил я.

— Есть. Сын. Он назвал его Джучи.

И вот я в квартире профессора Волгоградского университета, заведующего кафедрой новой и новейшей истории, доктора исторических наук Джучи Михайловича Туган-Барановского. Квартира как квартира — каких теперь сотни и тысячи. А мне все представляется здесь необычным, почти нереальным...

Начать хотя бы с того, что я беседую с далеко не старым еще человеком, едва перешагнувшим за пятьдесят лет, зная, что его дед родился чуть ли не полтора века назад — в 1865 году. Это время кажется безумно далеким, фантастическим...

По семейному преданию, польско-татарский род Туган-Барановских ведет свой отсчет с битвы при Грюнвальде в 1410 году. Известно, что тогда на стороне литовцев, поляков и русских, воевавших против тевтонских рыцарей-завоевателей, сражалась и татарская конница. Вот там, на этой земле, и повстречал мурзу (князя) Туган польскую красавицу Барановскую, в которую влюбился безмерно. И добыв в очередном бою голову немецкого военачальника — таково было условие польской пани, — он стал ее мужем.

Прадед моего собеседника известен как кутила и картежник, то есть типичный гусар, каким он и был. А вот дед — уже совсем другой: закончил два факультета, естественный и юридический (сдал экстерном), владел пятью европейскими языками, учился на одном курсе с Александром Ульяновым и даже дружил с ним, сохранив навсегда теплые воспоминания о нем. Впоследствии сотрудничал в организованном совместно с Петром Струве марксистском журнале «Новое слово» с Горьким, Вересаевым, с тем же Плехановым, Мартовым, С. Булгаковым и другими выдающимися людьми того времени. Известен своими серьезными, можно сказать, фундаментальными работами: «Русская фабрика в прошлом и настоящем», «Периодические промышленные кризисы» (два из них — в Германии и США — он предсказал заранее) и другие.

Михаил Иванович, экономист с мировым именем, был, по «моде» тех лет, универсально, энциклопедически образован, с чрезвычайно широким кругом интересов и литературных увлечений. В его наследии — небольшие, но чрезвычайно глубокие по смыслу заметки о творчестве Достоевского, Герцена, Чернышевского.

В Париже, на только что построенной Эйфелевой башне, он познакомился со своей будущей женой — Лидией Карловной Давыдовой, хорошо знавшей Н. К. Крупскую еще по гимназии. Есть все основания предполагать, что именно Михаил Иванович и познакомил будущего вождя русской революции с Надеждой Константиновной. Это произошло в Петербурге, на квартире инженера Р. Э. Класона, где нередко собирался кружок интеллигентов и где, как известно, впервые встретились Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

УДИВИТЕЛЬНО, как тесен в те времена был мир, как переплетались судьбы людей, казалось бы, чрезвычайно далеких друг от друга. Например, М. И. Туган-Барановский и А. И. Куприн были женаты на сестрах. И создатель «Гранатового браслета» вывел в образе генерала Аносова прадеда моего сегодняшнего собеседника, а одна из сестер Михаила Ивановича, Людмила, и стала прообразом героини этого произведения. Кстати, она вышла замуж за Д. Н. Любимова, впоследствии губернатора Виленского края; уже на моей памяти, в конце 50-х годов, его племянник Лев Любимов вернулся из эмиграции, и тогда вся российская интеллигенция зачитывалась его мемуарами.

Здесь невольно хочется прерваться и вспомнить «Гранатовый браслет». Золото южных садов, пахнущие морем сети рыбаков, прозрачный воздух непередаваемой свежести... Как далеко это все от политических бурь и страстей, от научных споров в журналах и аудиториях, от надвигающейся грозы, что готова была разразиться и наконец-то разразилась на громадной территории, именуемой Россией и Европой. А здесь люди живут своими, пусть маленькими по отношению к мировым проблемам, но столь жизненно важными для них — и в то же время, для нас, современных и, казалось бы, еще более далеких от щемяющей грусти, заложенной в этой книге, читателей и поклонников знаменитого русского писателя — чувствами любви к женщине. Любви чистой, бескорыстной и... безответной, трагической.

В КРУГ знакомых Михаила Ивановича входили буквально десятки людей, чьи имена мы знаем из учебников истории. Это самые разные люди, из разных слоев общества, разных политических убеждений, но все они каким-то удивительным образом пересекались в его поле зрения: писатели Д. Мережковский и З. Гиппиус, знаменитый шиллсбургер Н. Морозов, анархист князь П. Кропоткин, большевики В. Стасова и В. Бонч-Бруевич и множество других.

Но вернусь к биографии моего героя. Когда началась «большая смута», то бишь в 1917-м, Михаил Иванович Туган-Барановский принял приглашение Украинской Центральной рады возглавить финансовое ведомство. После падения этого правительства он вернулся в Москву (кстати, жил у одного из сыновей Льва Толстого), затем вновь поехал в Киев. Председатель Украинской Директории Винниченко (был когда-то такой известный писатель) поручил ему возглавить финансовую миссию, направляющуюся в Париж. На пути от Киева в Одессу, в самом начале 1919 года, он скоропостижно скончался.



«ИНТЕРВЬЮ» ВЕК СПУСТЯ»

СОЦИАЛИЗМ — ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

— Нет сейчас споров более острых, чем те, которые вызываются сравнением двух систем — социализма и капитализма. Несмотря на крах «твердыни» социализма — Советского Союза, идеи социализма все еще имеют множество сторонников. Как вы думаете, почему?

— «История общественной мысли начинается с социализма и, насколько мы можем судить о ближайшем будущем, заканчивается социализмом... Социализм оказывается... надисторическим идеалом человечества».

Частная собственность — тот правовой институт, на котором выросла вся цивилизация и культура человечества — вот корень всего социального зла, от которого страдает человечество... Энгельс, противопоставляя социалистическое общество всем до сих пор бывшим формам общественного строя, охарактеризовал социализм, как «царство свободы», в противоположность существующим до сих пор обществам, являющимся «царством необходимости».

...Социалистическое общество тем принципиально отличается от всех до сих пор бывших форм человеческого общежития, что социализм мыслится нами как общество, в основу которого положен известный разумный план, положена определенная цель, определенная идея. Социалистический строй есть искусственная, придуманная форма человеческого общежития в противоположность естественным, стихийно развившимся формам общества, существующим ныне».

ЧТО ЖЕ МЕШАЕТ ОСУЩЕСТВИТЬ ИДЕАЛ?

— Известно, что вы всегда считали себя социалистом, хотя во многом расходились и с Марксом, и с Лениным — например, в вопросах о диктатуре пролетариата, о существовании внеклассовой этики и некоторых других. Так вот, как вы объясните, что социализм все же не всеми воспринимается, как высшая цель?

— «...Социалистическая система хозяйства, осуществленная в недозревшей до нее общественной среде, несомненно должна привести к хозяйственному кризису, вместо прогресса. Нужно иметь в виду, что социализм является системой хозяйства гораздо более сложной и труднее осуществимой, чем какие-либо до сих пор бывшие системы хозяйства. Социализм предъявляет к его участникам гораздо большие требования, чем иные хозяйственные системы, и если эти требования не удовлетворяются, то вместо того, чтобы быть системой хозяйства высшей производительности, социализм неизбежно должен оказаться системой низшей производительности, чем иные хозяйственные системы», и приведет «к быстрому и неизбежному общественному крушению».

К ВОПРОСУ О СТИМУЛАХ

— Почему так? Почему вы уверены, что грядущий — для вас (ведь вы «отвечаете» мне из 1917 года) — социализм столкнется именно с такими трудностями.

— «Капитализм апеллирует к самым простым и грубым чувствам и влечениям человека... Приводятся в движение самые сильные мотивы человеческого поведения — эгоизм, хозяйственный интерес».

Напротив, при социализме связь между энергией хозяйственной деятельности человека и размером вознаграждения за труд будет, несомненно, в значительной мере разрушена. Все будут получать доход, если не совершенно равный, то различающийся в небольшой степени. Удовлетворительно исполнить свой урок, каждый гражданин социалистического государства будет получать определенный доход; и размер этого дохода не может быть увеличен, во всяком случае, не может быть значительно увеличен... С другой же стороны, при трудности контроля качества труда и при отсутствии какой-либо внешней власти над работающим человеком (ибо в социалистическом обществе все будут работать), недостаточно удовлетворительное выполнение трудового урока не может угрожать рабочему особыми тяжелыми последствиями. Во всяком случае, гражданин социалистического общества может быть уверен, что ему не грозит голод и нищета при недостаточной прилежной работе».

— Вот в том-то и дело! Эта уверенность сыграла с нами злую шутку, ибо при нашей ментальности и нашей почти вековой привычке к безразличности существующая в России система оказалась куда слабее привычных для капитализма стимулов. А в результате — и работать не научились, и аппетита не убавилось.

И все же каковы конкретные стимулы к труду при социализме?

— «Во-первых, чувство солидарности каждого с остальными людьми, преданность общим интересам; во-вторых, развитое чувство долга, в-третьих, непосредственная производительность труда. Все эти стимулы могут с успехом заменить грубые стимулы капиталистического общества».

Однако следует признать, что для возможности сильного действия двух первых стимулов человеческая природа должна значительно измениться сравнительно с тем, что мы видим теперь. Правда, это изменение человеческой природы должно явиться естественным следствием новых условий жизни, которые будут созданы социализмом. Но и сама возможность социализма предполагает, в свою очередь, значительное развитие этих свойств в населении. Люди без чувства общественной солидарности и без чувства долга не могут создать социалистического общества, ибо со-

циалистическое хозяйство при слабом развитии этих свойств у большинства населения оказалось бы не в силах удовлетворять свои потребности из-за низкой производительности общественного труда... В неподготовленной социальной среде социализм, вместо того чтобы стать царством свободы и всеобщего богатства, должен стать царством рабства и всеобщей нищеты».

ПУТЬ К НЭПу МОГ БЫТЬ КОРОЧЕ?

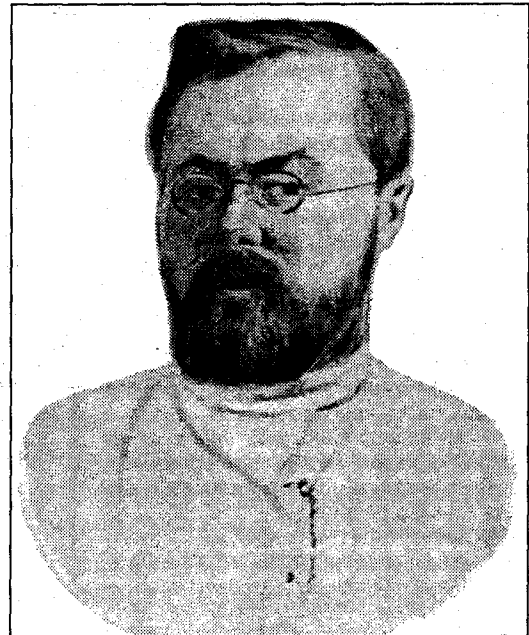
— Известно, какие большие надежды возлагал Ленин к концу своей жизни на новую экономическую политику (НЭП), кооперацию. А что думаете по этому поводу вы?

— «В 1917 году, работая над книгой «Социализм как положительное учение», я пришел к выводу, что есть только один путь развития России: власть в руках специалистов без проведения глубоких социалистических преобразований. О социализации всех фабрик (т. е. национализации, передачи их в руки рабочих. — И. Р.) думать в настоящее время не приходится;

государство будет регулировать отношения между трудом и капиталом. Власть определит размер заработной платы рабочего и продолжительность рабочего дня;

в сельском хозяйстве крестьянское трудовое хозяйство, связанное с кооперацией в мощные союзы и объединения;

в городе — государственный «урегулированный» капитализм (о госкапитализме с призывом учиться ему у Запада писал и В. И. Ленин. — И. Р.), ограниченный в своих правах интересами всего общества и контролем рабочего класса».



Двигаясь в сторону и постепенно приближаясь к последнему, Россия все же в ближайшем будущем не станет социалистической страной».

РЕВОЛЮЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

— Сейчас нередко можно слышать об «особости» пути развития российского общества, присущего именно русскому человеку. Вы согласны с таким утверждением?

— «...У нас не было капиталистической культуры и не было буржуазии в западноевропейском смысле слова. Особое значение имело отсутствие у нас мелкой буржуазии. В западноевропейском хозяйственном укладе именно мелкая буржуазия в течение целого ряда веков играла руководящую роль. Мелкие промышленники и торговцы составляли главную массу городского населения. Именно из их среды и выходили, по преимуществу, люди либеральных профессий и вообще представители умственного труда... Общественная среда, создавшая русского интеллигента, не имела ничего общего с мелкой буржуазией Запада».

Русский интеллигент был и остается, как указывал еще Герцен, удивительно свободным в культурном отношении существом. Будучи культурно совершенно свободен, русский интеллигент... естественно прилепился духом к тому социальному идеалу, который обещает всего более в смысле улучшения условий общественной жизни».

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

— Мой последний вопрос носит чисто риторический характер, поскольку ответ может быть только предположительным. Я начал с признания Плехановым ошибочности некоторых своих прежних взглядов, но и Ленин, неприятие не взглядов которого вы высказывали, еще тогда, перед тем как впасть в кому, был близок к тому же признанию?

Да, он так и не отказался от идеи диктатуры пролетариата, против чего вы всегда решительно восставали, но он уже пытался ограничить всевластие карающих органов (записка к наркому юстиции Крыленко), а главное — его утверждение, что кооперация (то бишь сохранение рыночных отношений) при условии сохранения государственной власти в руках пролетариата — «есть все необходимое для построения социализма» (статья «О кооперации»).

Так вот, пришел бы Владимир Ильич к признанию своих ошибок в споре с вами?

Игорь РУВИНСКИЙ.
Фото Виктора ЯШУКОВА.